

Как отказники выиграли выездные визы

Давид ШРАЕР-ПЕТРОВ

Станция Овражки

О отказниках по выходным собирались на станции Овражки под Москвой. Там они пели еврейские песни, разговаривали без опаски быть подслушанными, играли в волейбол, бадминтон, лапту и прочие игры, в которые им не хотелось, да и невозможно было играть в городе. Не могли они петь еврейские песни на глазах у правильных советских граждан. Хотя ничего плохого, вызывающего, диссидентского в этих мирных играх и задушевном пении не было. Особенно популярным был футбол. Составилось даже несколько команд, в каждой из которых были свои звезды и футболисты послабее. Чаше всего футбольные команды отказников играли в Овражках на поляне, чуть подалеже от железной дороги.

Однажды весной, едва началась игра между отказниками Ворошиловского и Ленинградского районов, к футбольному полю, по которому евреи гоняли мяч, подошел некий господин, а скорее товарищ, в добротном сером коверкотовом плаще. Шляпа господина/товарища была из зеленого велюра, цвет которого сливался с окраской травы на полянке. Так что господин/товарищ был вначале не очень-то заметен на фоне леса и вытопанной травы. Он стоял неподалеку от левого угла ворот и время от времени что-то записывал в карманном блокноте. И все-таки отказники — игроки и болельщики, стоявшие по краям футбольного поля и за воротами, которые были обозначены приташенными откуда-то кирпичами, обратили внимание на незнакомца. Обратив же внимание, сразу или немного позже поняли, что господин в сером коверкотовом плаще и зеленой велюровой шляпе не так уж незнаком им, а даже занимает в их жизни значительное место. Или, если угодно, играет в жизни отказников роковую роль. Это был ни больше ни меньше начальник московского городского ОВИРа Сотов, то есть лицо, подписыва-

вавшее выездные визы или, чаще всего, отказывавшееся подписывать таковые. Это был злой демон, вершивший судьбы более 50 тысяч московских евреев-отказников. «Что ему нужно в Овражках? Убедиться: что еврейский дух не сломлен? Выбрать новую жертву для внеочередного, еще более длительно отказа?» — «Да он просто напросто соскучился по отказникам. Решил выходной с нами провести», — сострелил кто-то. Оказалось, что остряк был не очень далек от истины. Начальник московского городского ОВИРа дождался конца первого тайма и подозвал к себе капитанов двух команд евреев-отказников: Ворошиловского района и Ленинградского района. Другого случая повидать вас всех в неофициальной обстановке у меня не было. В помещении ОВИРа на Колпацком переулке не поговоришь задушевно и откровенно. Люди толпятся, возмуща-

ются очередными отказами в выездных визах, проклиная все на свете, что никакой надежды на эмиграцию нет. Да и мы, овиловцы, заметно устали. Ведь многие из вас ждут пять, десять и даже двадцать лет. Мы чуть ли не родными стали. Но как это бывает в тесной и большой семье, вы устали от нас, а мы от вас. Верно, Моня?» — «Правильно, товарищ начальник!» — «Да зачем ты, Моня, так официально!» Мы же свои люди. К тому же на природе. Верно, Филя?» — «Так точно, товарищ начальник». Сотова даже перекосило от такого ответа. Он ведь рассчитывал на задушевный неофициальный разговор. Он снял зеленую велюровую шляпу и почесал затылок. Прикинувшись, что не слышит раздражения и иронии со стороны двух футбольных капитанов, Сотов перешел к прямому разговору. Он сказал гражданам еврей-отказники! Другого случая повидать вас всех в неофициальной обстановке у меня не было. В помещении ОВИРа на Колпацком переулке не поговоришь задушевно и откровенно. Люди толпятся, возмуща-

Приняв молчание как согласие и не дождавшись ответа, начальник ОВИРа Сотов пошел к электричке.

В эту и последовавшие ночи перед футбольным матчем еврей-отказники не спали. Впрочем, как и все остальные евреи. Слишком высокой была цена за такой малый шанс на выигрыш, а значит, за свободу. Получить вечный отказ в случае проигрыша! Но и жить в постоянной тревоге за будущее своей семьи, близких, друзей... У всех в памяти был трагический матч смерти. Впрочем, как и все остальные евреи. Слишком высокой была цена за такой малый шанс на выигрыш, а значит, за свободу. Получить вечный отказ в случае проигрыша! Но и жить в постоянной тревоге за будущее своей семьи, близких, друзей... У всех в памяти был трагический матч смерти. Впрочем, как и все остальные евреи. Слишком высокой была цена за такой малый шанс на выигрыш, а значит, за свободу. Получить вечный отказ в случае проигрыша! Но и жить в постоянной тревоге за будущее своей семьи, близких, друзей... У всех в памяти был трагический матч смерти.

Приняв молчание как согласие и не дождавшись ответа, начальник ОВИРа Сотов пошел к электричке. В эту и последовавшие ночи перед футбольным матчем еврей-отказники не спали. Впрочем, как и все остальные евреи. Слишком высокой была цена за такой малый шанс на выигрыш, а значит, за свободу. Получить вечный отказ в случае проигрыша! Но и жить в постоянной тревоге за будущее своей семьи, близких, друзей... У всех в памяти был трагический матч смерти. Впрочем, как и все остальные евреи. Слишком высокой была цена за такой малый шанс на выигрыш, а значит, за свободу. Получить вечный отказ в случае проигрыша! Но и жить в постоянной тревоге за будущее своей семьи, близких, друзей... У всех в памяти был трагический матч смерти.

Приняв молчание как согласие и не дождавшись ответа, начальник ОВИРа Сотов пошел к электричке. В эту и последовавшие ночи перед футбольным матчем еврей-отказники не спали. Впрочем, как и все остальные евреи. Слишком высокой была цена за такой малый шанс на выигрыш, а значит, за свободу. Получить вечный отказ в случае проигрыша! Но и жить в постоянной тревоге за будущее своей семьи, близких, друзей... У всех в памяти был трагический матч смерти. Впрочем, как и все остальные евреи. Слишком высокой была цена за такой малый шанс на выигрыш, а значит, за свободу. Получить вечный отказ в случае проигрыша! Но и жить в постоянной тревоге за будущее своей семьи, близких, друзей... У всех в памяти был трагический матч смерти.

Даже один вид этих футболистов действовал на евреев угнетающе, такими они были богатырями — высоченные, полнотелые и угрюмые. Команда была составлена из охранников. С самого начала овиловцы применили пресинг. Даже судья был приглашен весьма тенденциозно, потому что судьей оказался начальник ОВИРа Сотов. Конечно, во вступительной речи перед началом матча Сотов ссылался на какие-то международные соглашения, включая и хельсинкские, которые в глазах отказников были курам на смех, так что никто ему не поверил. Ясно было, что евреи попали в ловушку. «Как в жизни, так и в игре», — сказал кто-то из зрителей-евреев.

Между тем перед самым началом игры к футбольному полю подкатил второй автобус, на этот раз большой, мест на пятьдесят, из которого высыпали молодцы угрожающе-

го вида: черные куртки, резиновые палки, пристегнутые к поясу, рты, застывшие в нехорошей усмешке. Каждый из них поздоровался с Сотовым за руку, а потом и с остальными футболистами-овиловцами. Вполне понятно, что ни игроки команды овиловцев, ни зрители из группы их поддержки (переодетые овиловцы) даже не кивнули футболистам-отказникам.

Судья Сотов дал свисток, и матч начался. Стоит ли сравнивать мотор самолета (без крыльев) и живую птицу?! Тупо бегали по полю овиловцы. Соколами летали от одних ворот к другим отказники. Надо заметить, что овиловцы были одеты в красные футболки. Отказники — в полосатые, в цвет талесов, безрукавки. Какое же было удивление зрителей и футболистов, когда Веня Сапфир забил первый гол в верхний левый угол овиловцев. А Филя Капустин —

второй мяч, который овиловский вратарь пропустил, не попытавшись даже допрыгнуть до правого нижнего угла. Судья Сотов, забыв начисто свои обязанности быть объективным, взбодрил своих игроков, ругая их почем зря. Овиловцы же едва передвигали свои взмысленные громоздкие тела. При счете 2:1 в пользу отказников темп игры окончательно изменился, все ускоряясь и ускоряясь. Отказники навязывали овиловцам скорость. Дело в том, что их противники были тяжелыми, крупными охранниками, которые привыкли торчать при входе в ОВИР. Они не любили играть, а любили париться в банях или забавляться в спортзале с гириями и штангами. Овиловцы предполагали, что отказники, в основном потерявшие работу и перебивавшиеся «с хлеба на квас», окажутся бледными немочами. Не туг-то было! Футбо-

листы-отказники были сильны духом! Они летали по полю как птицы. Когда отказники забили вдогонку второму третьему и четвертому голам, из толпы болельщиков-евреев на середину поля выбежал Пиня Зюсс и помахал перед самым носом судьи Сотова своими старинными швейцарскими часами: «Ваше время истекло, господин начальник!» Прозвучал финальный свисток. Матч закончился полной победой отказников. «Завтра выйдем визы отказникам, а в последующие дни остальным, подавшим на выезд в Израиль», — объявил громогласно Сотов и нырнул в один из автобусов.

Так и было. Как в сказке. В первый же день после знаменитого матча между евреями-отказниками и овиловцами визы получили оба капитана Моня Кац и Филя Капустин и все игроки команды отказников, включая и запасных:

Веня Сапфир, Сеня Резник, Витя Драч, Дания Шраер, Вася Гинзбург, Гарик Каплан, Геня Сандлер, Сима Фурер, Ося Гомер, Дима Гланский, Алик Аксенов, Геня Рейн и другие народные таланты. Правда, Вова Спивак и Ося Кобзон, которые сказались большими и не приехали на футбольный матч в Овражки, выездные визы не получили. Дело явно сдвинулось и пошло, и все поехали один за другим. Дошло до того, что все уехали, и никакой очереди за визами больше не было. Начальник ОВИРа Сотов и его чиновники призадумались, не начать ли новые отказы. Но кому отказывать? Все евреи уехали, а те, кто остался, без препятствий отправлялись в гости к своим друзьям и родственникам в Израиль и Америку.

А все началось со знаменитого футбольного матча в Овражках.

Август 2013, Бостон

ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО на стр. 2

Город контрастов

В ней папа девочки Сашеньки, рассеянный и мудрый виленский доктор, предмет моих грез в далеком безпапном детстве, пытается вспомнить название своей новой шляпы. Действие, надо сказать, происходит в конце девятнадцатого века.

— Это борсалино какое-то или бормалино?... — бормочет он, посмеиваясь.

Сколько всего случилось с тех пор! Милого доктора убили фашисты, Сашенька превратилась в полуслепую старушку и исчезла. Давно умерли и ее дети, а шляпа «Борсалино» существует как ни в чем не бывало.

Вроде бы пятничный день еще крутится, но суббота уже висает над городом. Потихоньку закрываются магазины. Особенно русские евреи. Хотя в этой России никогда не знаешь, как лучше поступить. Наконец приехали овиловцы. Не на электричке, как все люди, а на микроавтобусе с нулями на номерных планках.

шоссе за домом автобусы. Яснее слышатся птичьи голоса. Пернатые старательно выговаривают одну и ту же свистящую фразу — оповещают улицу о скором наступлении сумерек.

Наш балконный гость к вечеру подзабылся. Перекинутое лиловое полотенце оптимистично реет за окном. Муж погулял с собакой и уехал на съемки, потому что новости для телевизионщиков — дело круглосуточное. Никто и ничто не отвлекло меня от детектива в памяти предыдущими читателями обложке. Ну, может, только телефонные звонки Дезиковой мамы — с самыми неожиданными вопросами. Объяснила ей, справившись по старинке в Энциклопедическом словаре, что бересклет — это растение, а веретеница — ящерица. Потом, уже без словаря, что Войнич — это человек и даже писательница. Потом — что в понедельник вечером я, конеч-

но, посижу с Дезиком. Полученными ответами девочка осталась довольна. Читать в постели детектив — вполне субботнее развлечение. Можно без угрызений совести озаботиться единственно важным: кто убийца? Тем не менее примерно в полночь, находясь в двух шагах от развязки, я услышала странные посторонние звуки. Они крепились и пробивались ко мне даже сквозь крепко сколоченный лабиринт сюжета. Непонятное и тревожное происходило в подъезде, возле нашей входной двери. Грубые мужские голоса, слишком громкие даже для верхних соседей, иногда распевающихся от избытка суботничьих чувств.

Я надела тапочки и подошла к двери. Прислушалась. Что за язык? Непонятно. Сплошные междометия, отдельные жуткие звуки — разговор людоеда со своими замороженными друзьями.

— Да в подъезде какие-то типы... Ты не представляешь, какие у них голоса!

— Я через двадцать минут буду.

— Ты осторожнее. Тут их много.

Утреннее происшествие теперь казалось мне легкой разминкой.

Через полчаса муж постучал в дверь. Я осторожно открыла и увидела...

Этого нельзя было угадать, а тем более разглядеть в глаза! В подъезде пережидали дождь молодые йешивотники. Похожие на нелепых черных птиц, они темна все загоразивает. Может, собака все же встрепенется? Нет, спит, расластавшись на коврик, по-прежнему напоминая, как в свои лучшие годы, бегущую лань. А что соседы? Должно быть, окаменели от ужаса. Дом как будто замер. Тем не менее главный ужас происходит именно здесь, возле нашей одинокой квартиры на самом нижнем этаже!

Я встала за телефон. Муж откликнулся сразу: — Уже подъезжаю. Дождик очень сильный. Ты чего не спишь?

Потом вся черная уходящая стая ушла куда-то, и стало наконец тихо. Только дождь, не торопясь, смывал следы обычного сумасшедшего дня.